

ИСТОРИЯ

А.А. Бутин, Т.Б. Перфилова

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В ДРЕВНЕМ РИМЕ

Изучение восприятия человеком пространства и времени – основополагающих параметров существования мира и фундаментальных форм социального опыта – способно пролить свет на уникальность культурного универсума цивилизации. В статье рассмотрены работы ведущих отечественных культурологов – А.Я. Гуревича, Г.С. Кнабе, А.В. Подосинова – о пространственно-временном континууме древних римлян, позволяющем понять «картину мира» человека античной цивилизации.

А.А. Butin, T.B. Perfilova

HISTORIOGRAPHIC ASPECTS OF PERCEPTION OF SPACE AND TIME IN ANCIENT ROME

Studying the perception of space and time by the person – basic parametres of existence of the world and fundamental forms of social experience – is capable to give light on uniqueness of a cultural universum of a civilisation. In the article works by leading domestic culturologists – A.Ya. Gurevich, G.S. Knabe, A.V. Podosinov – about an existential continuum of the ancient Romans are considered, allowing to understand “a world picture” of the person of the antique civilisation.

В современной исторической науке одним из ведущих направлений является так называемая «новая» культурная история, внимание которой сосредоточено на изучении менталитета, или «картины мира», людей прошлого и настоящего. «Новая» культурная история, по словам П. Берка, является «историей представлений» [1], важнейший пласт которых составляет восприятие пространства и времени.

Пространство и время – это основополагающие параметры существования мира и фундаментальные формы человеческого опыта. Они, как считает известный отечественный культуролог и медиевист А.Я. Гуревич, «субъективно переживаются и осознаются людьми, причем в разных цивилизациях ... в разных слоях одного и того же общества и даже отдельными индивидами ... воспринимаются и применяются неодинаково» [2]. По мнению другого именитого культуролога и историка Г.С. Кнабе, специфика культуры конкретной цивилизации обусловлена особенностями восприятия времени человеком, принадлежащим к этой цивилизации [3].

Важность обращения к проблеме восприятия пространственно-временного континуума доказывает большое количество исследований, проведенных на материалах источников древних цивилизаций, варварской и христианской Европы [4]. Заметно уступают им в количестве сочинения, посвященные пространственным и временным ориентирам

античных народов [5], в частности древних римлян.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы, не претендуя на исчерпывающее изложение богатого историографического материала, остановиться на важнейших подходах, существующих в изучении «картины мира» древних римлян, в частности – их темпоральных и пространственных представлений.

Одним из основоположников изучения концепта «время» в античности следует считать уже упомянутого А.Я. Гуревича. В статье «Время как проблема истории культуры» [6] он отмечает, что античным сознанием мир мог восприниматься не только как находящийся в покое, вне категорий изменения и развития, но и циклически. Все события, люди, эпохи, когда-то уже существовавшие, вновь вернутся по истечении «великого года» – пифагорейской эры – к своей исходной позиции. Однако в римской культуре А.Я. Гуревич видит значительные отличия от древнегреческой по вопросу об интерпретации времени: римские историки были более восприимчивы к линейной концепции осознания времени, поэтому сам ход истории у них выступает значительно более свободным от мифологических элементов и трансцендентных сил.

Вывод А.Я. Гуревича о линейном восприятии времени римлянами не остался незамеченным. Г.С. Кнабе, рассматривая мировоззрение древних римлян, обратил внимание на феноменальность их «исторического соз-

нания». В отличие от древних греков, пытавшихся постичь сущность исторических событий и изучить причины генезиса исторических явлений, рациональные по складу ума римляне со свойственным им прагматизмом занимались описанием историко-культурных реалий, восстанавливая непрерывную цепь событий, протянувшихся из прошлого в настоящее. «Линейное» отношение к истории, укоренявшееся в линейном восприятии времени, заставляло римских историков сосредоточивать усилия на характеристике конкретных фактов, обходя стороной относящиеся к ним общие проблемы существования римской державы [7].

Комплексное исследование пространства и времени в системе мировосприятия представителя древнеримской цивилизации представлено в публикации Г.С. Кнабе «Историческое пространство и историческое время в культуре Древнего Рима» [8]. В своем анализе ученый исходит из положений о том, что формы восприятия пространства и времени специфичны для «каждого культурного круга и потому составляют важную, глубинную характеристику той или иной культуры» [9]. По мнению историка, в Древнем Риме формы восприятия пространства и времени были связаны с сущностью его культуры [10], поэтому они представляют особую важность для ее понимания. В качестве источников он использует исторические (Тит Ливий, Дионисий Галикарнасский, Тацит и др.), философские (Эпикур, Цицерон, Лукреций), художественные (Вергилий, Овидий, Ювенал), географические (Цезарь (фрагменты «Записок о Галльской войне»), Страбон) тексты, а также данные этнографии.

Привлекая к исследованию времени в древнеримской цивилизации комплекс разнообразных источников, а также принятый в культурологии герменевтический метод, Г.С. Кнабе сумел выделить в «историческом сознании» римлян разного рода ощущения, проявлявшиеся в восприятии ими исторического и мифологического времени.

Мифологическое время – время «первоначала» – в его трактовке воспринималось римлянами не столько временем, сколько его отсутствием, пребыванием вне заметных изменений, видимого движения, вообще вне событий; оно мыслилось как неподвижное существование действительности [11]. Этот

способ восприятия времени может быть интерпретирован как феномен «остановившегося времени», являвшийся способом сохранения основополагающих моральных норм. Однако, по мнению исследователя, в римском сознании, наряду с представлением о неподвижно сохраняющемся времени существовало восприятие его как динамического, находящегося в движении [12]. Проживаемая римлянами история, отождествлявшаяся с историческим временем, ассоциировалась с постепенной порчей исходного идеального состояния общества. Появившаяся в I веке до н.э. теория упадка нравов представляет собой, таким образом, по мнению Г.С. Кнабе, своего рода историческую концепцию развития римского государства; в центре ее находится идея моральной эволюции (читай – деградации) римского общества.

Из вышесказанного следует, что время в Древнем Риме воспринималось содержательно наполненным. Все ценности, добродетели оказывались в прошлом, и задача потомков состояла в том, чтобы сохранить их, постоянно корректируя свое поведение в соответствии с освященными традицией обрядами.

Рассматривая восприятие пространства в Древнем Риме, Г.С. Кнабе проецирует особенности пространственного освоения римлянами действительности на их самоидентификацию. Территория Рима обладала сакральным могуществом, так как статус «вечного города» был предрешен богами: его местоположение на Палатинском холме предопределили «священные» птицы – двенадцать коршунов, возвестивших двенадцать веков славы Рима. На территории будущего Рима была вырыта яма (*mundus*), куда поместили все, что олицетворяло силу и богатство народа. Этот акт соединил землю с преисподней, мир живых и мир мертвых. Рим навечно вращался в земле предков, превращаясь в средоточие сакральности, середину мира. Следовательно, трепетное отношение к прошлому в сознании римлянина было запрограммировано не прекращающимися ни на минуту контактами с былыми поколениями, жившими в мифическое время, – олицетворением высоких нравственных устоев общества.

Как и для других древних народов, для римлян оставался актуальным мотив границы, воплотившийся в термине *romerium* – граница Рима, непреодолимая для враждеб-

ных сил, идущих извне. Внутри померия нельзя было ни хоронить мертвых, ни появляться вооруженным солдатам. Отсюда определялась задача армии: сражаться с темными силами, которые могут исходить только извне, так как пространство Рима священно и противопоставляется остальной вселенной. Каждый воин, возвращаясь из похода, должен был очиститься от неистовства, владевшего им на войне (*fugor*), и снова стать мирным гражданином. Очистительный смысл имели изначально все триумфальные арки. Кроме того, для очищения совершалась церемония *armilustrium* – очищение оружия.

Воспринимая Рим вечным, священным, осененным божественным покровительством городом, римляне и самих себя считали божественными избранниками, что предопределило их отношение к «чужим». Осознание того, что обитатели Рима предназначены для мирового господства, заставляло их воспринимать остальные этносы как неполноценные и созданные для подчинения. Эту черту древнеримского мировосприятия Г.С. Кнабе называет «римским шовинизмом», который провоцировал постоянные завоевания чужих территорий.

Однако этому противоречила другая черта сознания римлян – их открытость большому миру, вера в свою цивилизаторскую миссию, выразившуюся как в заимствовании духовного и практического опыта других народов, так и в распространении римских традиций на все окружающее пространство.

Это явилось предпосылкой для появления еще одной черты восприятия римского пространства: оно мыслилось динамичным, постоянно расширяющимся. Но это расширение основывалось, прежде всего, на сакральном праве. Ввиду того, что города основывались по указаниям богов, являясь земным воплощением небесных обитателей, война была битвой не столько между людьми, сколько между богами. Победа в войне воспринималась не просто как показатель мастерства полководцев и мужества солдат, а как проявление могущества «своих» богов-покровителей. Победа позволяла расширить территорию влияния римских богов, которые превращались в покровителей некогда враждебного пространства [13].

Таким образом, восприятие пространства в Древнем Риме характеризовалось, по

мнению Г.С. Кнабе, двумя особенностями: «римским шовинизмом», выражающимся в противопоставлении Рима всему остальному миру, который требовалось завоевать в соответствии с божественными санкциями, и космополитизмом. На наш взгляд, первое – агрессивное – начало являлось в сознании римлян доминирующим, так как расширение освоенного пространства – это самый лучший способ борьбы с существованием другого, неосвоенного. Следовательно, цивилизаторская миссия всегда была для римлян лишь прикрытием их завоевательных намерений.

Глубокие и оригинальные выводы Г.С. Кнабе смог дополнить и конкретизировать А.В. Подосинов [14], которому удалось в своем исследовании «*Ex oriente lux!*» соединить эпистемологию историко-антропологической, культурологической, психологической, философской, социологической и других наук.

Исходя из положения об универсальности архаического сознания народов древних цивилизаций, и римской в том числе, А.В. Подосинов приписал римлянам способность создавать в своем микромире пространственно-временные структуры, подобные прообразам, характерным для макромира, что давало им уверенность в возможности влиять на макрокосмические процессы, реализуя принцип символического параллелизма между всеми частями видимого и невидимого мира, его явлениями и процессами. Обитатели Древнего Рима, как и другие народы древности, не сомневались в том, что могут предсказать события и истолковать прошедшее [15], включая исторические и социальные процессы.

Как известно, роль медиумов, предсказывавших волю богов, основываясь на наблюдениях за небесными явлениями, в Древнем Риме играли авгуры. Они в своих действиях опирались на ауспиции, проводившиеся в отграниченном и строго ориентированном по сторонам света пространстве. Отсюда вытекает важная роль ориентационного аспекта восприятия пространства в Древнем Риме, в основе которого находилась психофизическая природа человека, порождавшая природно-физическую дуальность пространственного членения мира. На религиозную практику римлян большое влияние оказали также астрологические учения и методы гаданий, ис-

пользуемые в культурах Древнего Вавилона и Ассирийской империи.

Ориентация по сторонам света играла исключительную роль в планировке сакрального пространства. Пространство на небе и на земле, выделенное авгуром для ауспиций, называлось *templum*. Источники (в основном Тит Ливий) сообщают о восточной и южной ориентации культовых и гражданских сооружений внутри этого сакрального пространства, что, в свою очередь, позволяет сделать предположение о разнокачественной оценке пространства: восточная и южная стороны считались лучше западной и северной. К примеру, храм Юпитера на Капитолии был ориентирован на юг, в чем специалисты усматривают египетскую ориентационную традицию, воспринятую еще этрусками. Два круглых римских храма (Весты и Матери Матуты), самых древних и значительных, были ориентированы на восток. Преимущественно восточная ориентация наблюдается у всех храмов, построенных римлянами в завоеванных землях.

С сакральным пространством тесно связан вопрос о значении правого и левого в римском мировоззрении. Сакрализация южной стороны при ауспициях обусловила отношение к левой стороне как к благоприятной. Однако в то же время в римской литературе существует представление о левой стороне как о злой, зловещей, злой, губительной. Последнее обстоятельство А.В. Подосинов рассматривает как отражение влияния семитогреческой ориентационной практики на мировоззрение образованной части римского общества, когда левая (западная для греков) сторона ассоциировалась с загробным миром. Таким образом, в древнеримской культуре правое являлось более предпочтительным, чем левое, поэтому жертвоприношения подземным божествам необходимо было делать левой рукой.

С символическим значением стран света была напрямую связана ориентация многих культовых действий. Ритуал предполагал сакрализацию времени и пространства, из чего вытекала сакральность обращения к той или иной стороне света при обряде. Освященное пространство имело четко определенную и заданную космическими явлениями структуру. В соответствии с ней возводились города, определялись столицы, размещались святы-

лица. Исследователь отмечает римский обычай, неизвестный грекам, но привычный индийцам, когда, подобно движению солнца, молящийся двигался от востока через юг на запад. При молитве Юпитеру в самом Риме обращались в сторону Капитолия (как к главному сакральному центру). Только в III веке н.э. с принятием христианства (выработавшего в процессе полемики с языческими культурами и иудаизмом свое собственное мировоззрение) в качестве государственной религии произошло закрепление востока как единой для всех сфер жизни сакральной стороны.

В римском погребальном обряде не было устойчивой, теологически обоснованной ориентационной системы, хотя известно, что западная сторона у римлян отождествлялась с загробным царством. Кроме того, в мировоззрении образованных римлян присутствовал взгляд на небо как на место пребывания душ особо заслуженных людей.

При постройке культовых архитектурных сооружений римляне, по мнению А.В. Подосинова, не использовали каких-либо жестких структурных принципов, что объясняется наличием сильного влияния египетских, азиатских и греческих традиций. Культовые статуи, находящиеся вне храмов, были обращены, в основном, на восток. Исключение составляют статуи бога Януса, ориентированные по всем четырём сторонам света, патроном которых он был. Предшественники Януса – этрусский бог Кульсанс и италийский бог Ани – также имели четыре лика.

При планировании пространства городов выделялась основная ось (*decumanus*), проходившая с востока на запад, и поперечная ей меньшая ось (*kardo*) – с юга на север. Эти оси перекрещивались под прямым углом, давая жесткую систему координат для лимитации земной поверхности. Здесь чувствуется этрусское влияние, так как большинство этрусских городов и поселений строились строго по осям – с севера на юг и с востока на запад.

Таким образом, в фундаментальной работе А.В. Подосинова «*Ex oriente lux!*» пространственно-временная модель древних римлян была рассмотрена исходя из психофизической природы человека. Изучив восприятие человеком древности сакрального, космического, географического и других видов пространства, автор экстраполировал достижения

своих предшественников при воссоздании модусов «картины мира» древних римлян.

Итак, выводы исследователей, изучавших пространственно-временные структуры в Древнем Риме, на сегодняшний день сводятся к следующему. Для древнеримского сознания было характерно линейное восприятие времени, что выражалось в проживании человеком времени сквозь призму соотношения жизненных (биологических) ритмов с природными катаклизмами и социально-государственными вехами развития римской цивилизации. Мифологическое и историческое время проецировалось на нравственные устои общества, через структуры которого оно транслировалось в сознание индивида. Древнеримское сознание было изначально ориентировано на трепетное, священное, сакральное отношение к прошлому.

Восприятие пространства осуществлялось через призму психофизической природы человека. Но, в то же время, наблюдалась дихотомия пространственных ориентиров. На-

пример, священное пространство города находилось в крайней оппозиции к чужому, неосвоенному пространству, из чего вытекало жизненно важное для римлянина стремление преодолеть враждебность окружающего мира. Пространство Рима воспринималось посредством ощущения сакрального, прокладывавшего связь с прошлым, с поколениями предков.

В целом следует отметить, что, несмотря на наличие ряда оригинальных научных трудов, наблюдается явная недостаточность историко-культурологических исследований, характеризующих как античное мировосприятие вообще, так и римское в частности. Для выявления феноменальности культуры древнеримской цивилизации необходимо дальнейшее изучение проблемы восприятия времени и пространства человеком Древнего Рима, и «новая» культурная история, стремящаяся к созданию интегративных исследований, открывает для этого большие перспективы.

Примечания

1. Burke, P. What is Cultural History? [Текст] / P. Burke – Cambridge: Polity Press, 2004. – P. 49-51.
2. Гуревич, А.Я. Категории средневековой культуры [Текст] / А.Я. Гуревич – М., 1984. – С. 43.
3. Кнабе, Г.С. Основы общей теории культуры. Методы науки о культуре и ее актуальные проблемы [Текст] / Г.С. Кнабе // История мировой культуры: Наследие Запада: Античность. Средневековье. Возрождение: курс лекций / под ред. С.Д. Серебряного – М., 1998. – С. 51.
4. Здесь необходимо отметить следующие важнейшие работы: Клочков, И.С. Восприятие времени в Древней Месопотамии [Текст] / И.С. Клочков // НАА. – 1980. – №2. – С. 91-102; Он же. Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время: очерки [Текст] / И.С. Клочков. – М., 1983; Вейнберг, И.П. Человек в культуре Древнего Ближнего Востока [Текст] / И.П. Вейнберг. – М., 1986; Он же. Пространство и время в модели мира ветхозаветного историописца [Текст] / И.П. Вейнберг // НАА. – 1990. – № 6. – С. 76-84; Гуревич, А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства [Текст] / А.Я. Гуревич. – М., 1990; Жданов, В.В. Проблема времени в древнеегипетской мысли [Текст] / В.В. Жданов // ВФ. – 2003. – №2. – С. 152-160; Бахтин, М.М. Формы времени и хронотопа в романе [Текст] / М.М. Бахтин // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. – М., 1986.
5. Античному пространственно-временному континууму посвящены следующие исследования: Шишова, И.А. Представление об океане у античных авторов [Текст] / И.А. Шишова // ВДИ. – 1982. – № 3. – С. 114-125; Лосев, А.Ф. Античная философия истории [Текст] / А.Ф. Лосев. – СПб., 2001; Он же. Античный космос и современная наука [Текст] / А.Ф. Лосев // Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. – М., 1993. – С. 61-612; Ашкерова, А.Ю. Политическое пространство и политическое время в античности [Текст] / А.Ю. Ашкерова // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. – 2001. – № 2. – С. 27-41.
6. Гуревич, А.Я. Время как проблема культуры [Текст] / А.Я. Гуревич // ВФ. – 1969. – № 3. – С. 105-114.
7. Кнабе, Г.С. Культура античности [Текст] / Г.С. Кнабе, И.А. Протопопова // История мировой культуры: наследие Запада: Античность. Средневековье. Возрождение: курс лекций / под ред. С.Д. Серебряного. – М., 1998. – С. 109-110, 153.
8. Кнабе, Г.С. Историческое пространство и историческое время в культуре Древнего Рима [Текст] / Г.С. Кнабе // Культура Древнего Рима. – М., 1985. – Т. II. – С. 108-166.
9. Там же. – С. 108.
10. На наш взгляд, это положение применимо не только к культуре Древнего Рима, но и к культуре любого другого народа (особенно древнего) и к культуре вообще.

11. В качестве примера историк приводит существование на протяжении всего года определенных дней (*feriae*), посвященных богам, предназначенных для обязательного досуга, когда запрещалось всякое изменение природной данности (в том числе и насилие). Автор элиминирует сюжеты миротворения, которые не могут мыслиться вне действий, вне событий.
12. Это представление выразилось в отношении римлян к январским календам, день которых должен был быть заполнен деятельностью, указывающей на то, чем человек будет заниматься и в чем будет добиваться успеха в течение всего следующего года.
13. К примеру, в покоренных городах в большинстве случаев сохранялись культы прежних богов, но в их центре непременно располагался храм трех высших богов Рима.
14. Подосинов, А.В. *Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии [Текст] / А.В. Подосинов. – М., 1999.*
15. Эта уверенность была основана на том, что все сущее имеет тайные и явные закономерности, все взаимопроницаемо и взаимозаменяемо.

В.В. Жарков

ПРОБЛЕМЫ ВОИНСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ РККА В 30-40-е гг.

В статье рассмотрены основные проблемы воинской дисциплины РККА в 30-40-е гг., дана характеристика изменений, произошедших в Красной армии в связи со всплеском нарушений воинской дисциплины; проведен анализ причин, приведших к снижению воинской дисциплины.

V.V. Zharkov

PROBLEMS OF MILITARY DISCIPLINE IN THE RED ARMY IN 30-40-th

In the article the basic problems of military discipline in the Red Army in 30-40th of the XX-th century are considered, the characteristic of the changes which have occurred in the Red Army in connection with splash of infringements of military discipline is given; the analysis of the reasons which have led to the decrease of military discipline is carried out.

В межвоенный период в Красной армии возникла сложная ситуация с воинской дисциплиной.

27 июня 1928 г. Реввоенсовет СССР в своем постановлении, отмечая вполне устойчивое политико-моральное состояние РККА, наряду с этим констатировал наличие в некоторых частях следующих отрицательных явлений: большого количества дисциплинарных проступков, роста коллективных нарушений воинской дисциплины, пьянства, фактов отрыва начсостава от красноармейских масс, недопустимо невнимательного и преступного отношения к материально-бытовым нуждам красноармейского состава, довольно распространенных случаев очковтирательства.

Преобладающими видами нарушений, по мнению начальника ПУРККА Л.З. Мехлиса, являлись перепалки с начальниками, нарушение строевого устава, уставов внутренней и караульной службы, небрежное отношение к сбережению оружия и боеприпасов, самовольные отлучки и дезертирство. Также он отмечал: «В нашу повседневную практику глубоко вкоренился ложный демократизм. Ни одна уважающая себя армия не позволит,

чтобы начальник и подчиненный называли друг друга на “ты”». У нас же вне службы обращение между начальником и подчиненным на “ты” широко распространено и не запрещается. Коммунисты и комсомольцы, а вслед за ними и беспартийные, на собраниях, вне службы часто обращаются друг к другу, независимо от служебного положения, на “ты”. Это снижает требовательность между начальником и подчиненным, культивирует панибратство, от которого лишь один шаг к нарушениям дисциплины и служебного долга. Все эти проявления ложного демократизма идут вразрез с задачами насаждения советской воинской дисциплины. Их нельзя терпеть в гражданских организациях, а тем более в военных» [1].

Увеличило число нарушений дисциплины в армии распространение пьянства, которое до середины 30-х г. в сводках ПУРККА встречалось в несколько раз реже. Так, в политдонесении Политического управления МВО отмечалось: «Значительное усиление пьянства красноармейцев, и в особенности комсостава, проходящего часто при участии членов партии